

Архитектура и градостроительство

И.И.Лагунин

«Ольгин град». Основание Пскова Историко-градостроительный очерк*

Недостаточная археологическая изученность Псковского городища при скудости письменных источников не позволяет с полной уверенностью говорить о начальном этапе жизни города в рассматриваемый период как укрепленного поселения. Как справедливо заметил археолог Е.Н. Носов о происхождении Новгорода, без понимания основ истории социально-политического и культурного развития городского поселения трудно говорить даже о таких вещах, как возникновение и строительная история Новгородского кремля, исследования укреплений которого дали замечательные результаты. Представления об этом памятнике и о Новгороде в целом менялись с развитием общих исторических представлений о ранней истории Северной Руси. Само местоположение типичного мысового поселения раннего Пскова на высокой площадке, защищенной высокими склонами холма и течением двух рек, не позволяет сомневаться в характере изначально укрепленного поселения. Первыми поселенцами было избрано именно такое место, естественно защищенное природой, хотя, как уже говорилось, следы ран-

них псковских укреплений, выявленные С.А. Таракановой, плохо интерпретируются и вызывают споры.¹ Сами по себе следы ранней городской застройки в кремле и вне его без других источников также еще не дают оснований для законченных выводов и точных градостроительных построений. Эти обстоятельства заставляют внимательнее присмотреться к общим историческим процессам в Причудье – специфической области восточной окраины циркумбалтийской цивилизации. Тем процессам, которые и позволили сформироваться одному из главных городских центров в земле псковских кривичей. Попробуем кратко охарактеризовать их в свете современных исследований.

Для понимания общего развития событий большое значение имеют те представления об этно-политической ситуации вокруг Балтийского моря, которые в 1980-е гг. были сформулированы и изложены, например, в работах Г.С. Лебедева.² Они базируются на скандинавских, прибалтийско-славянских источниках и материалах, которые имеют несомненную связь и с восточно-балтийским миром. Восточный путь (путь «из варяг в греки» и по Волге на Каспий) играл немалую роль в истории варяжских походов, роль которых нельзя игнорировать в истории Восточной Европы. После распада Римской империи на ее северной периферии, в Прибал-

Лагунин Игорь Иванович – искусствовед-архитектор, зам. директора Генеральной дирекции «Псковреконструкция»

*Продолжение. Начало в №22/2005 г.

тике, происходили общие процессы разложения родо-племенных отношений и начального градообразования. На смену маленьким крепостцам - родо-племенным укрепленным центрам, городищам-убежищам, - на арену выходят торговые фактории и княжеско-дружинные укрепленные центры. Развитие ремесел, торговли, массовое движение дружино-княжеских организаций привели, в конце концов, к распаду самой циркумбалтийской общности, в которой безраздельно господствовали сельские патриархальные общины и свободно передвигавшиеся по миру боевые и торговые варяжские дружины. Протогорода-вики этой цивилизации были своеобразными опорными пунктами для обмена ценностями, пополнения припасами и оружием. В них процветали торговля и ремесла, но и сами они, не имея жесткого управления и военной организации, подвергались набегам и становились легкой добычей соперничающих предводителей. Основная жизнь главных действующих лиц этой эпохи протекала в походах за сказочными богатствами, порой очень дальних и экзотических. Эти богатства постепенно перемещались на север, северо-запад и северо-восток Европы и создавали материальный потенциал, способствующий образованию северноевропейских торговых городов и целых государств.³ На раннегородской период Пскова X - I пол.XI вв., о котором идет речь, приходится завершающий этап существования этой общности, ее протогородов и становления настоящих, самостоятельных городов и государств позднего средневековья. В славянских землях, которые находились в русле постримскоимперских событий, этот процесс только начинался. Главным фактором оставалось активное освоение плодородных земель и развитие пашенного земледелия. Но из южной Прибалтики в Причудье по водным путям выдвигаются и сюда воинские дружины славян, которые основывают свои крепости, такие как Изборск, все чаще проходят через их земли дружины варяжских завоевателей. Новые крепости становятся племенными центрами славян, как наиболее активной части разнородного населения, значительную долю которого составляли оттесненные на север и

северо-запад древние финны (летописная Чудь). Какую-то часть населения составляли балты, готы и другие роды и племена. Ведущую роль славян, обладавших более прогрессивными технологиями конного пашенного земледелия, следует оценивать с учетом общей небольшой численности населения края, возглавить которое можно было без военных усилий.

Варяжское движение VIII-IX вв. по основным направлениям большого пути «из варяг в греки», прежде всего, стремилось к контролю за важными водными стратегическими торгово-грабительскими дорогами и освоению избранных, стратегически важных «опорных» территорий для контроля за этой дорогой. Это косвенно говорит о том, что они встречали серьезное сопротивление со стороны местных жителей и уверенно себя чувствовали только там, где могли ожидать помощи от дружин соплеменников. Они не брезговали ничем для обогащения – ни торговым обменом, ни разбоем. Одним из наиболее прибыльных считался захват людей и продажа их в рабство в Поволжье и дальше на востоке. Западная Европа дрожала при одном известии о приближении варяжских дракаров к ее городам. А они могли далеко забираться вглубь стран, даже по мелководью. В северо-восточном мире еще не было столь богатых и привлекательных городов с сокровищницами храмов, купеческими богатствами, но и здесь было чем поживиться по дороге на юг. В отличие от оседлых и хозяйствующих славян и соотечественников на родине, варягов-дружинников увлекали дальние походы, приносящие больше серебра и богатств, чем сбор дани с местного населения или от хозяйственной деятельности. Их набеги заставляли славян организовывать сопротивление. Возможно (как в Прибалтике), были и крупные столкновения, о которых не дошли известия. Во всяком случае, характер археологического материала говорит о том, что здесь не произошло расселения сельскохозяйственных скандинавских общин, чего следовало бы ожидать, ибо одна из теорий походной активности варягов – неделимость их земельных отеческих, патриархальных владений между сыновьями и род-

ственниками. Последние вынуждены были искать себе место под солнцем в других землях и странах, и даже на другом континенте. Противостоять набегам организованных варяжских дружин в IX-X вв. в Европе, особенно в сельской местности, было, практически, невозможно. Такой организации и военного опыта не было ни у кого. Даже франкский император Людовик Благочестивый предпочел выделить лен и поселить на границе своих владений род одного из изгнанных конунгов данов - Харальда, чтобы тот защищал империю от его же собратьев⁴. Эта мера имела временный успех. «Призвание варягов» в середине того же IX в. северными славянами на «порядовой» основе, то есть с оплатой в виде определенной дани, можно отнести к тому же разряду событий, но оно имело иные, далеко идущие последствия.

Как установили археологи, в VIII в. викинги появились в Старой Ладогe на границе владений славянского мира и встретились здесь с движением славян с юга. Отсюда они проложили Восточный путь на Волгу и Каспий. Под Новгородом не позднее сер. IX в. ими основано укрепленное поселение - т.н. Рюриково городище⁵, которое стало главным опорным пунктом на большом торгово-военном пути. Не исключено, что и вблизи будущего Пскова, на реке Великой, мог появиться такой же опорный пункт. Наиболее опасным и важным было для них место мелководных порогов, где легче было остановить большой дракар (возможно, и останавливали). Выбуты и по характеру местности очень напоминали скандинавский пейзаж – выходы плитняка, большие ледниковые валуны (А.А. Александров). Великая не была столь же значительной водной дорогой, как путь по Волхову через Новгород к южным морям, но имела свое немалое региональное значение. Роль опорного пункта едва ли мог исполнять славянский Изборск, даже в период короткого правления Трувора. Город находился в стороне от водного пути, в тупике, что и позволило ему, наверное, развиваться и сохранять значение главного племенного центра причудских славян-кривичей. Такие крепости надо искать в верховьях рек, а варяжские – в устьях рек, на волоках, или, как

Выбуты, – на порогах. Старая Ладога и Рюриково городище, доступные большим варяжским судам, контролировали самую большую дорогу по Волхову в местах, подготовленных для этой цели самой природой, и были избраны именно людьми путешествовавшими.

Наряду с пришлыми славянами-земледельцами варяги немало способствовали распаду патриархальных родо-племенных отношений. Их присутствие, безусловно, заметно по археологическому материалу в Восточной Европе. Но оно носит локальный и специфически походный характер. Ни о каком варяжском государстве в Восточной Европе говорить не приходится. Это похоже на мусульманское «господство на морях». Система опорных стратегических пунктов на водных путях была достаточной для контроля Восточного пути, защиты дружины от возможных столкновений, в большей мере от соотечественников, для зимовок, пополнения запасов пищи, товаров и, что скрывать, захвата рабов для отправки на юг и восток, где их ждали главные цели и богатства. По роду своей деятельности варяги могли завоевывать лишь «готовые» государства и города (как в Западной Европе), с которых можно было брать организованные поборы, а заниматься организацией таковых они не собирались. Зато они охотно нанимались воевать и защищать чужие земли. Лишь в редких случаях они оседали со своими родами на этой, чужой для них земле. Но даже в роли разбойников они, безусловно, способствовали распаду местных патриархальных отношений и новой племенной организации. Надо было защищаться от пришельцев, скрывать беззащитных детей и жен, откупаться и торговать. Постоянные небольшие пункты их пребывания способствовали развитию ремесел, торговле, организации торговых факторий, которые иногда могли стать основой для развития будущих городов. Грабительский захват сменялся регулярными поборами или торговыми приобретениями. После спада походной активности отношения с местным населением приобретали все более мирный, торговый характер. Оседлые и служилые варяги становились элитой местных обществ и довольно быстро растворились в новом сло-

жившемся этносе, основу которого составляли славяне-кривичи. Путешествия к понтийским водам длились многие месяцы, иногда с зимовками в пути или по возвращении. Зимовки привели к особой форме дани – к «полюдию», т.е. к проживанию в зимний период за счет местного населения по городам и весям. Не отсюда ли упоминание ольгиных саней, которые стояли в Пскове еще во время составления «Летописца Переяславля Суздальского»⁶? Оно связано с ее знаменитым походом 947 года по Новгородской земле и установлением новой формы оброков и даней. Быть может, это многозначительное сообщение и есть свидетельство прекращения устаревшей практики полудий и фактического установления нового государственного правления с регулярным налогообложением и административным правлением на местах. Многочисленные клады говорят о том, что военные пути через славянские земли для варягов оставались беспокойными, иначе ценности не приходилось бы хоронить по дороге. В VIII-IX вв. для походов балтийских дружин были особо благоприятные условия – высокий уровень вод в реках и озерах Восточной Прибалтики. В X ст. он сменился понижением уровня водного режима, и это тоже способствовало сокращению военно-транзитной активности. «Призвание» воинских дружин вообще включило скандинавов в состав правящей элиты Киевской Руси и, таким образом, они сами противостояли вражеским набегам, которые к нач. X в. со стороны Скандинавии полностью прекратились и уступили место торговым и политическим отношениям.

Псковское мысовое поселение имеет свои особенности. Его рост и развитие на ранних этапах не вписывается в схему бурного развития торговых и дружинных городов-вигов циркумбалтийской эпохи. Оно было неплохо защищено самой природой и существовало как городище-убежище достаточно давно. Но могло ли оно противостоять организованному варяжским или чужим славянским дружинам, которые на судах могли, буквально, штурмовать большие черноморские и каспийские крепости? Если даже в к. VIII в., как утверждали С.А. Таракано-

ва и С.В. Белецкий (что не подтверждается однозначно), городище получило дополнительные дерево-земляные укрепления, оно не располагало пока следами крупного городского поселения с плотной застройкой, домами дружинников, как это очевидно в Изборске. Нет следов ранних посадов за границей мысовой площадки. Само местоположение Пскова заставляет думать о нем как об укрепленном поселении, возможно убежище для местного населения округа к. VIII - IX вв., роль которого возрастает позднее. Изборск же, не имевший глубоководных речных подходов, защищенный дополнительными сторожевыми пунктами, имеет право на признание как один из самых значительных укрепленных военных городских центров славян в будущей Земле Псковской. По крайней мере, до конца IX в., когда ситуация меняется, активность варяжских походов начинает спадать, в Восточной Европе образуется новое государство – Киевская Русь. Подтверждение тому – раннее развитие Изборска как города. По исследованиям В.В. Седова, уже в к. IX- нач. X вв. за валами Изборского городища зарождается посадское поселение, а за Городищенским озером – пригородное.⁷ Для Пскова столь ранних подтверждений пока нет.

До к. IX в. не видно предпосылок для бурного роста Пскова как столицы края. Не исключено, правда, что удобная внутренняя гавань, каковой является нижнее течение Псковы под Кремлем, могла представлять интерес для транзитной торговли. Об этом косвенно свидетельствуют позднейшее использование для международной торговли Немецкого берега на Запсковье и Ольгинского берега на Завеличье. Но следы столь ранних торговых пристаней или факторий неизвестны. Да и чем мог привлекать местный рынок дальше купечество? Пути дальних варяжских походов проходили преимущественно в стороне – через Ильмень и Волхов. В последующие века Псков торговал успешно льном, пенькой, продукцией скотоводства. А в древности? Возможно, рожью, сельскохозяйственной продукцией, ремесленными изделиями местного характера, что создавало предпосылки для развития земле-

делия и скотоводства (напомним, что возможное святилище Велеса, скотьего бога, могло существовать поблизости от Псковского городища), местной торговли. Перевозка объемных грузов для транзитной торговли была просто исключена. Развитие торгового обмена и, главное, развитие ремесел для внутреннего рынка медленно возвышали Псков в округе как центр ее собственной жизнедеятельности.

Говорить о главенстве Пскова во всей земле до конца IX в. тоже трудно. Ни археология, ни исторические свидетельства легендарного времени этому не способствуют. Если принять как факт знаменитое «призвание варягов» для управления Северной Русью, то и оно говорит в пользу Изборска как активного племенного центра. Распад родоплеменных обществ и их единение в отдельных регионах будущей новгородской конфедерации на новой основе региональной общности способствовали зарождению будущей Земли Псковской. Ее конфедеративная самостоятельность в последующем находит отражение в ее самостоятельном участии в принятии общих решений для всей Земли Новгородской, а также в постоянных претензиях Пскова на независимость. В его политической организации надолго сохранились архаизмы периода распада родоплеменной и формирования раннегосударственной организации. Отсюда вечевое правление, политическое главенство духовенства, которое частично восприняло авторитет старого жречества, специфическая роль князя и его дружины. Не исключено, что предводителям дружин (князьям) уже в древности в кормление могли быть переданы судебные полномочия для решения спорных дел, в том числе межплеменных, для чего у дружины имелись и организация и оружие. Возможно, что таким образом формировался институт псковского княжества. Все это мы наблюдаем в последующие века псковской самостоятельности. И если это так, то зарождение и приверженность к столь архаичной форме, выработанной в определенных исторических условиях, просто поражает. Порядовая форма отношений с князем и его войском имела широкий диапазон вариантов в Киевской

Руси – от ведущей роли великих князей до второстепенной роли местных военачальников. Но все это до к. IX в. относится скорее к Изборску, чем к Пскову. Предполагаемая попытка Рюрика (Хререка Ютландского? ⁸) захватить власть в конфедерации, в целом, не меняет характер взаимоотношений. Даже при Игоре нарушение договора о полюдье привело к его гибели в Древянской земле. Думается, что наказание древлян Ольгой – совсем другая история и в начале другого периода государственных отношений. Таким образом, возможное призвание Трувора в Псковскую землю, в Изборск – прямое свидетельство главенства Изборска. После его недолгого правления и предполагаемого убийства Рюриком местная власть под его эгидой остается, возможно, за местными воеводами, из которых формируются местные княжеские роды. Перемещение центральной княжеской дружины в 882 г. из Новгорода в Киев, поближе к ослепительной Византии, изменило местную ситуацию, ослабило ее влияние в Северной Руси, где развиваются вновь патриархально-республиканские отношения.

Вот в это время, на рубеже IX-X вв., Киев и вынужден был исправить ситуацию. Поход Игоря 903 года, очевидно, был связан с урегулированием вассальных отношений с Киевом приграничной земли причудских славян и насаждением здесь киевской администрации, в составе которой ведущую роль должны были исполнять воинственные скандинавы. Неожиданной или известной опорой оказался местный скандинавский род будущей великой княгини Ольги, который контролировал выбутские пороги⁹. В этот период и начинается возвышение Пскова, более удобно, в отличие от Изборска, расположенного стратегически и, вполне вероятно, «назначенного» центральным административным пунктом Киевской Руси в причудской кривичской земле. Псков было легче контролировать. Похоже, что это было непосредственно связано с походом Игоря. И таким образом, мы имеем дело с типичным явлением переноса местной столицы.

Исходя из вышесказанного и судя по бурному развитию в X веке посадов Пскова за пределами кремля, появлению и развитию

крупного городского некрополя, яркой составляющей которого являются богатые курганные скандинавские захоронения и святилище¹⁰, основания Пскова как города и, тем более, как центра Земли Псковской искать ранее нач. X в. не стоит. Оно приближается к летописной дате первого упоминания города под 903 годом и могло быть, как уже говорилось, непосредственно связано с походом князя Игоря в северные земли. Известно, что его предшественник и соратник «вещий Олег» основал довольно много городов – опорных пунктов Киевской Руси. Почему бы и Игорю, его ближайшему соправителю, не продолжить традицию? Но для такого предположения нет прямых подтверждений. Единственное, что мы знаем, – это знакомство на выбутских порогах князя Игоря с Ольгой, «родом от Пскова». Впервые город появляется в источниках как известный поселенческий центр. Однако вовлечение неизвестного до того Пскова в круг интересов высших лиц Киевской Руси (могу даже допустить мorganатический брак Игоря и Ольги) и начало его развития как главного города автономии не могут быть объяснены простым совпадением. Важный вопрос источников столь точной информации, как минимум полутора-вековой давности, может быть разрешен привлечением тех же скандинавских традиций передачи устных преданий. Ведь речь в ранних летописных сообщениях идет почти исключительно о представителях скандинавской знати или о князьях того же происхождения. Поэтому необходимо учитывать определенную ангажированность, целенаправленность и небеспристрастность этих источников по отношению к истории основного населения и его героям, но других свидетельств этого времени (византийских, арабских) слишком мало, чтобы на них можно было опереться. Отсюда, возможно, и происходит знаменитая «норманнская теория».

Анализ характера захоронений, в том числе дружинных, языческого в своей основе городского некрополя, не противоречит вышесказанному, но приближает время развития по-настоящему городского ансамбля к середине X ст. Для этого есть целый ряд наблюдений, в том числе бурный рост посе-

ления к концу X в., для которого нужно было не одно десятилетие. Важно отметить и близость начального этапа роста города к дате установления погостов в Новгородской земле княгиней Ольгой (947 г.). С этим событием новгородские археологи сближают подъем Новгорода и его боярства, как организатора сбора дани с обширной территории зависимого от Новгорода севера. Этот поход можно рассматривать как установление новых государственных отношений. Наверное, сбор дани и административные обязанности в своей земле отныне возлагались на псковскую знать. Учитывая близость Выбута, эту роль мог исполнять частично местный род княгини Ольги. Недавняя находка захоронения «варяжской гостыи» – возможно, захоронение «местной хозяйки» из того же рода. Эти события могли привести к быстрому росту города на Великой и Пскове.

Ко времени развития некрополя город должен был достаточно расстроиться и выйти за пределы кремлевских укреплений, поскольку курганные могильники устраивались, как правило, непосредственно рядом с поселением, и даже в прямом контакте с застройкой. К концу X в. поселение вдоль реки Великой протянулось от Кремля до нынешней площади Ленина и даже далее. Легендарное основание христианского Троицкого храма в детинце во времена Ольги¹¹, что косвенно подтверждается находкой захоронения знатной крещеной варяжской женщины, еще не могло означать полного уничтожения других капищ и языческого кладбища. Новый бог рассматривался, например скандинавами, просто как один из самых могущественных в пантеоне. Редкие люди, причем из знати, могли себе позволить оставаться последовательными христианами. В Пскове, кроме легендарной Троицкой церкви, в начальный период могло существовать святилище Велеса. В этот же период (легенда связывает это событие с именем княгини Ольги, но это, скорее, – дань памяти великой соотечественнице), предположительно в 970 г., на его месте появляется Власиевская церковь (в районе будущей Власьевской башни), также одна из первых в Пскове. Христианская традиция пришла несомненно вместе с Ольгой

из Византии. Оттуда же, или из Киева, вероятно, прибыли первые священники, о которых ничего не известно. Миссии святителей западно-римской церкви, как правило, находят отражение в письменных источниках. Впоследствии благодарные потомки отыскали основание Власьевского храма и построили на его месте новый, тоже разрушившийся, но известный по раскопкам.

За рекой Великой, на месте будущего Ильинского монастыря, где прослеживаются черты городища, возможно, находился культовый центр, связанный с культом Перуна-громовержца. Перуну было посвящено и языческое капище вниз по Великой, на месте будущего Николо-Перынского монастыря, где сохранился культовый камень. Есть и другие свидетельства языческих культов – идол, найденный в Промежице, предположительные сведения о культовом центре на месте Спасо-Мирожского монастыря. Последнее предположение связано с важной находкой конца XIX в. – крупным языческим могильником XI-XIII вв. в районе городской больницы, который датируется более поздним временем, чем рассматриваемое в настоящем очерке, но мог иметь прямую преемственность от древнего некрополя в Городце и возникнуть еще в конце данного периода как его преемник. Языческие культы и главный, утвердившийся накануне крещения Руси, государственный культ Перуна – характерные знаки рассматриваемого периода. Эти культы оставили свои градостроительные следы в округе Пскова. Присутствие скандинавских захоронений и обнаруженное в псковском некрополе святилище могут быть взаимосвязаны. Могильник на Завеличье имел определенно другую, финно-балтскую природу и должен был иметь свое святилище (в Мирожье?). Однако, как предполагает И.К. Лабутина, старый некрополь разноплеменного поселения мог также иметь не одно святилище.

Факт присутствия в составе захоронений скандинавских могил укладывается в гипотезу подъема города как одного из центров Киевской Руси. Присутствие варягов в княжеско-дружинной среде X в. было, практически, обязательным (если верить тем же «ангажированным» летописным известиям),

и это отражается в составе захоронений. Труднее проследить зарождение местной знати по безынвентарным славянским и другим погребениям. Находки богатых скандинавских захоронений самого последнего времени на ул. Советской (возвышенность – продолжение Романовой горки к югу от городского поселения) только подтверждают это. Варяги несомненно жили в Пскове, даже могли иметь свое отдельное поселение, но где оно было – пока неясно. Перспективными для такого поселения представляются Городец или возвышенность Романовой горки, где археологическими исследованиями 1989-91 гг. обнаружены остатки погребения по обряду кремации, культовый камень и следы синхронного поселения (не позднее к. X в)¹². Если дружина жила в кремле, то там пока не найдено ни характерных дружинных «длинных домов», ни иных подобных указаний, за исключением вещевых находок скандинавского круга. Скорее, в таком случае, можно говорить о дружине с участием скандинавов или под их руководством. Троицкая церковь на этот период в кремле могла быть, пожалуй, только дружинной. Характерно также, что в более раннее время присутствие скандинавов в городе вообще почти не проявляется. Обращает на себя внимание и факт возведения крупных погребальных курганов со скандинавским инвентарем в центре главного псковского некрополя. По происхождению и по обрядам это захоронения знати, еще не обрусевшей, но игравшей значительную роль в городском обществе. Особенно интересны в этом отношении последние находки богатых варяжских погребений X в. на ул. Советской¹³. Женское погребение несомненно крещеной представительницы высшего сословия Киевской Руси в стороне от главного некрополя, к югу от города, дает дополнительный материал для размышлений. Особенно продуктивным выглядит предположение, высказанное археологом А.А. Александровым, о связи этого некрополя с направлением главной южной дороги из Пскова в сторону Выбут, или наоборот – от Выбут к Пскову (будущая ул. Великая – Советская). Где-то здесь, в районе будущего Красного креста, упоминается «Ропатая лавица» (от

древнего слова, обозначающего «капище»). Сам перекресток может иметь очень древнее происхождение. Здесь могла пересекаться дорога на юг и спуск к Великой, где могли стоять суда местных скандинавов. Лавица (мостики) говорит о том, что спуск мог быть связан с низиной или переездом через один из ручьев берегового склона. Все это соответствует топографической ситуации в Новгороде, археологи которого все более склоняются к тому, что с Рюрикова городища по левому берегу Волхова происходило перемещение его варяжских обитателей на Славно, где они селились компактно на Торговой стороне и образовали один из городских центров. Это дает некоторое основание для привлечения городского ансамбля Новгорода, более изученного на рассматриваемое время, в качестве прямого аналога. В Пскове на такую роль претендует легендарный Городец, связанный как с некрополем, так и с торгом.

Приведя эти общие рассуждения, вернемся к градостроительному очерку Пскова. Кремль, южная граница которого проходила близ южной стены современного Троицкого собора¹⁴, в рассматриваемый период превращается из самостоятельного городка в центральное ядро достаточно крупного городского образования. Роль и значение его изменились, но нет достаточных данных для полноты картины. Накануне этого времени по археологическим материалам (строительство, костяные гребни¹⁵ и др.), после славянского освоения площадки наметилась в строительстве как будто местная, финно-угорская реакция. Но вопрос взаимовлияния этносов в материальном плане недостаточно изучен, чтобы на этом основании говорить о смене населения, как это делает С.В. Белецкий. Мне представляется, что процесс развития и взаимовлияния обитателей раннего Пскова, как это считают другие археологи, вполне объясняет такие находки. Концом IX – X вв. археологи датируют период застройки кремля, представленный деревянными срубными постройками с деревянными полами на лагах и печью в углу¹⁶. Сохранность культурного слоя плохая и не позволяет говорить о нем подробнее. Отдельные дендроспилы дали даты “938” и “944/45” гг., кото-

рые позволяют говорить только о том, что поселение этого времени существовало не позднее. Серия скандинавских вещей, подражаний им и финно-скандинавских “гибридов” только подтверждает дружинный характер поселения в кремле с участием (не более) скандинавов. Характерными являются находки детского игрушечного оружия, весов и гирек, арабского дирхема. Легендарное строительство Троицкой церкви в Кремле можно истолковать только как дружинный храм киевского гарнизона, который должен проживать здесь же. Ибо его строительство связано с именем киевской великой княгини. Это единственный вариант при местных языческих традициях. В таком случае, кремль уже с этого времени можно считать внутренней цитаделью и детинцем, иначе – Домом Святой Троицы. Название детинец появляется и в Новгороде после строительства собора. Мне кажется, его можно толковать как убежище для «детей» отцов церкви – для простых верующих, паствы¹⁷. Так же как храм – место спасения для их душ. Ранее строительства храмов в кремлях понятие детинец как будто не встречается. И хочется поддержать точку зрения А.Н. Кирпичникова, который предложил название Кром применять только к более позднему, расширенному кремлю с окомной территорией, с «охабнем», который и составлял вместе с собственно детинцем понятие Кром. Расширение кремля произвело достаточно большое впечатление для появления нового наименования, которое и стало впоследствии общим для всего ансамбля.

Что касается ранних укреплений древнего Пскова, то здесь можно вернуться к наблюдениям на Крому С.А. Таракановой. Теперь уже нельзя согласиться с их опровержением М.Х. Алешковским¹⁸. Независимо от ее интерпретации выявленных ранних остатков вала с тыном VIII в., остатки развала последующей каменной стены 3-метровой ширины, сложенной насухо из плитняка, без фундамента, – абсолютный аналог ранних изборских стен X-нач.XI века. Уточнение их датировки на очень узком фрагменте («X в.» по С.А. Таракановой) началом XII в. В.Д. и С.В. Белецкими¹⁹, на наш взгляд, еще

не исключает эти укрепления автоматически из рассматриваемого градостроительного периода. Учитывая все вышеизложенное, каменная крепость вполне укладывается в рамки периода X - XI вв. В Изборске следует искать истоки и аналоги псковских укреплений. Так же, как там, с напольной, южной стороны должен был еще существовать на начальном этапе градостроительного периода более ранний, возможно усиленный камнем, как в Изборске, земляной вал. Там и тут совпадает местоположение храма, который нам неизвестен на столь раннее время по натурным остаткам. Но он должен был тяготеть к приступной стороне, как в Изборске и других русских крепостях. Первоначальный въезд в детинец по-прежнему должен был находиться в юго-западном углу (от Смердыхих ворот, с юго-запада, как на городище в Изборске).

Под детинцем в ходе раскопок В.Д. Белецкого (ГЭ), у Троицкой колокольни обнаружены остатки 6 ярусов таких же, как в кремле посадских жилищ IX-нач. XI вв. Позднейший представлен деревянными настилами нач. XI в. Далее такие остатки известны на территории будущего Довмونتова города. Там же по центру выявлена раскопками экспедиции ГЭ железодельная мастерская. Посады только формируются, и застройка этого периода достаточно хаотична. Первоначальный Торг локализуется также в будущей Домантовой стене как свободная от застройки площадь между будущими Греблей и ц. Дмитрия Солунского от Торга (I пол. XII в.). Здесь был своеобразный перешеек между удобными местами стоянки торговых судов на Пскове (в первую очередь) и Великой. Большая часть площадки потом уничтожена при строительстве Персей и рва Гребли.²⁰ Позднее, в к. XIII в., Торг переместился на юг, а потом занял всю болотистую низину – Георгиевское болото. Ранний Торг явно тяготеет к Пскове. Рыбники под Кремлем могли появиться уже в раннее время. За Домантовой стеной, там, где, по сведениям краеведов, могла находиться с 970 года церковь Св. Власия на Торгу, обнаружен раскопками 1990-х гг. по трассе коллектора начальный мощеный участок улицы Ве-

ликой. Именно улицы, поскольку городская застройка этого времени распространилась далеко от центра на юг, в район современного почтамта (раскопки экспедиции ГЭ под рук. Г.П. Гроздилова, 1956 г.). Направление этой улицы, которая начиналась у Кремля, по рельефу было ограничено прибрежной возвышенностью от р. Великой и «Болотом»²¹. И далее (а может быть и везде) застройка имела свободный, кучный характер, но относилась несомненно к городскому поселению. Такое же продвижение городской застройки от центра на юго-восток происходило по верхней береговой террасе р. Псковы. Свободной оставалась площадка в междуречье, в районе «Болота» (пл. Ленина), которое благоустроено значительно позднее. Рост города, таким образом, был связан с развитием торговли и сопутствующих ей ремесел и закреплял значение Пскова как главного племенного центра, центра зарождающейся государственности.

За Болотом большая возвышенность «Городец» трапециевидной формы со II пол. X в. осваивалась как городской курганный некрополь со святилищем в центре. Находки захоронений этого могильника в начале Октябрьского проспекта косвенно свидетельствуют о масштабе города. Изучение палеорельефа и создание модели Первоначального погребенного рельефа г. Пскова выявили достаточно резкий характер возвышенности. Поскольку никаких данных и оснований для укреплений или варяжского поселения в этой части не выявлено, а они должны были проявиться, особенно по границам возвышенности (не проецируется на эту возвышенность и возможное варяжское укрепление типа полукруглого вала), можно предположить, что топоним «Городец» мог иметь и иное объяснение. Так могла называться просто возвышенность, в противовес «Городу». Либо сам некрополь, как городок предков, и т.п. Топонимика богата всевозможными причудами и без дополнительных источников не может служить для окончательных решений. Существенным моментом является выявленное святилище. Какому богу оно было посвящено? И.К. Лабутина предположила, что святилище могло быть не одно, ведь разно-

племенное население города молилось разным богам. Веротерпимость – одно из главных качеств развитых торговых поселений.

Могильник, с самыми богатыми из найденных скандинавскими захоронениями к. X в. на Старо-Вознесенском раскопе, скорее всего, трассирует направление южной дороги от Выбут, к которым на данный период следует относиться как к сателлиту Пскова и опорному пункту варяжской знати Киевской Руси. Характер украшений и христианский крест знатной варяжской женщины позволили археологам говорить о ней как о знатной христианке, представительнице рода Рюриковичей.²² Само стремление отделить могильник от общегородского может быть обусловлено не только желанием выделиться, но и стремлением обособиться от разноплеменных жителей города. На данный период варяги, представители центральной киевской власти, еще пытаются сохранять этническую обособленность. И все же характер захоронений в главном некрополе говорит о разноэтничном населении, различном по социальному статусу. Несколько захоронений имеют торговый инвентарь.

В целом, перед нами характерная картина развивающегося раннегородского поселения с пригородами, тяготеющей к нему сельской округой, языческими и раннехристианскими религиозными центрами. Эпизодические упоминания находок этого же времени в округе пока трудно определенно связать со свитой сопутствующих селений. Но одна находка, точнее некий градостроительный центр на Запсковье, на берегу Псковы за ц. Богоявления, вполне перспективна для подобного вывода. Это разрушенный могильник на верхней береговой террасе, обращенной к Пскове. С небольшой натяжкой можно сказать, что он смотрит в сторону общегородского могильника.²³ На рассматриваемое время этот могильник мог быть связан с пригородным поселением на Запсковье, которое, возможно, как-то связано с судоходством и пунктом судоходного движения по р. Пскове. Характерно, что и Завеличье с самого начального периода развития городского поселения втянуто в его орбиту. Поселение на Больничной горке, скорее всего, принадлежит к следующему градостроитель-

ному периоду и может быть объяснено образованием пригородного этнического, неславянского поселения со стойкими языческими традициями. Первоначально мне представлялось, что это поселение и легендарная остановка Ольги на Мирожье по пути в Псков прямо связаны с продолжением пути по Завеличью до места Ольгинской часовни и далее на запад. Однако трасса этого большого пути, скорее, проходила не так. От Выбут (точнее, от села Вольжино) она шла по правому берегу реки Великой до устья р. Черехи, откуда начинался водный и зимний путь по Черехе через Будник на Новгород. От Черехи путь доходил через культовый центр на Промежище до Романовой горки и Ропатой лавицы. Далее – по улице Великой до Торга и Кремля. От Торга дорога выходила на берег р. Великой к ц. Власия (или, ранее - к Велесову капищу), где был постоянный перевоз через Великую. С учетом течения реки, этот перевоз заканчивался на левом берегу реки у места будущей Ольгинской часовни. Предание связывает с этим местом установку княгиней Ольгой дубового христианского креста. Здесь, по позднейшей легенде, она увидела три луча на кремлевском холме и основала там Троицкую церковь. Историки относят это событие к 957 и более поздним годам, после возвращения великой княгини из Византии и крещения ее там византийским императором. Этому сюжету посвящено немало исследований, но для нас важно, что есть основания для того, чтобы считать Троицкий храм современным рассматриваемому градостроительному периоду и самой княгине. Если вернуться к пути, о котором мы начали говорить и который имел известное продолжение на запад, на Изборск, то получается, что княгиня увидела три луча, уезжая из города. Куда она двигалась? Если учесть, что лучи над кремлевским холмом и теперь можно увидеть ближе к полудню, находясь на значительно более дальней точке берега, напротив устья Псковы, то следует согласиться с археологом А.А. Александровым. Сообщение Степенной книги «...прииде блаженная Ольга близ реки, глаголемыя Псковы, и ста на устии тоя реки. Бяше бо тогда лес и дубие велие...»²⁴ может быть приурочено к предполагаемому городищу на месте будущего Ильинского женского монас-

тыря. Само это городище прямо напротив устья Псковы хранит тайны ольгинского времени. Оно перспективно и как ранний культурный центр, и как укрепленный дружинный пункт контроля водного пути по Великой. Оно могло контролировать вход по Пскове во внутреннюю гавань города, а возможно и сам город. Близ этого места известны находки ранних княжеских печатей. Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что Ильинский и соседний Ивановский монастырь, один из древнейших в Пскове, были женскими. Это могло иметь связь с легендарными ольгинскими событиями. Во всяком случае, Завеличье нельзя исключать полностью из орбиты раннегородского поселения Пскова на рассматриваемое время.

Говорить более детально о градостроительном ансамбле Пскова и его особенностях, учитывая предварительный и во многом еще гипотетичный, в основном, археологический материал исследований, преждевременно. Скорее, это очередная попытка осмысления и обобщения материала для дальнейшего изучения городского ансамбля эпохи становления древнерусского государства. Одно бесспорно – рассмотренный выше период в его становлении – начальный, непосредственно связанный со становлением и развитием Киевской Руси. Он остается одним из интереснейших в истории псковского и древнерусского градостроительства, поскольку именно в нем закладывались основы развития будущего крупного городского ансамбля Пскова.

Примечания

1. *Алешковский М.Х.* Начальные этапы каменного строительства Псковского Крома. // Древнерусское искусство. М., «Наука», 1972. С. 322-325.
2. *Лебедев Г.* Исчезнувший мир // журн. Знание-Сила. №12/86. С. 27-29.
3. *Губанов И.Б.* Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПбГУ, 2001.
4. Там же.
5. Исследователи все больше возвращаются к гипотезе об основании крепости самим Рюриком – Хререком Ютландским (или Фрисландским), известным персонажем средневековой варяжской истории. См. *Молчанов А.А.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей. // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992.
6. *Александров А.А.* Ольгинская топонимика Пскова. 1994. Рукопись.С.1.
7. *Седов В.В.* Торговля и культурные связи Изборска в VIII-X вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2001-2002. Псков, 2003. С. 112-123.
8. *Молчанов А.А.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992.
9. *Александров А.А.* Во времена княгини Ольги. Псков, 2001.
10. *Лабутина И.К.* Открытие псковского некрополя. // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992. С. 68-80.
11. Книга степенная царского родословия, ч. I. // Полное собрание русских летописей, т. 21. СПб, 1908. С.11.
12. *Белецкий С.В.* Древний Псков по данным археологии.// Древности Северо-Запада России. СПб, 1993. С. 92.
13. *Михайлов А.В., Яковлева Е.А.* Камерные погребения X в. на Старовознесенских I и II раскопах.// Археологический семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли». Сообщение 5.04.2005 г.
14. См. план Первоначального погребенного рельефа города Пскова. Автор благодарит Е.А.Яковлеву за предоставленные материалы.
15. *Кондратьева О.А.* Древнерусские гребни IX-XI вв.: местное производство и общеевропейские традиции. // Памятники старины. Открытия. Концепции. Версии. Т. I. СПб-Псков, 1997. С.300.
16. *Белецкий С.В., Скрынникова Е.В.* Археологические исследования, реставрация, музеефикация Псковского Кремля. // Кремли России. М., 2003. С. 297-298.

17. См., например, обращение в псковском соч. II пол. XIII в. «Послание Есифа к детям и братии», по атрибуции Л.А. Творогова.
18. *Тараканова С.А.* О происхождении и времени возникновения Пскова. // КСИИМК, вып. XXXV. М., 1950. С. 28. *Алешковский М.Х.* Начальные этапы каменного строительства Псковского Крома. / Древнерусское искусство. М., «Наука», 1972. С.330-331.
19. *Белецкий С.В., Скрынникова Е.В.* 2003. С. 298.
20. Там же. С.301.
21. *Вязкова О.Е., Татарников О.М., Яковлева Е.А.* Опыт и некоторые результаты реконструктивного моделирования погребенного рельефа древнего Пскова. // Псков в Российской и европейской истории, т. I. Псков, 2003. С.93-103.
22. Там же.
23. *Салмина Е.В.* Первоначальный этап освоения прибрежной территории Запсковья: открытие могильника догородского периода. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара. Псков, 2004. С.94-102.
24. *Александров А.А.* Там же. С. 111.